

СООТНОШЕНИЕ КОНКРЕТНОГО ЗНАНИЯ И ЧУВСТВЕННОГО ОПЫТА («ДУШИ» И «ТЕЛА») В МЫШЛЕНИИ АРХИТЕКТОРА

Г.Л. Леденева, А.С. Куликов

*Кафедра «Архитектура и строительство зданий», ФГБОУ ВПО «ТГТУ»;
ledeneva27@yandex.ru*

Представлена членом редколлегии профессором В.И. Коноваловым

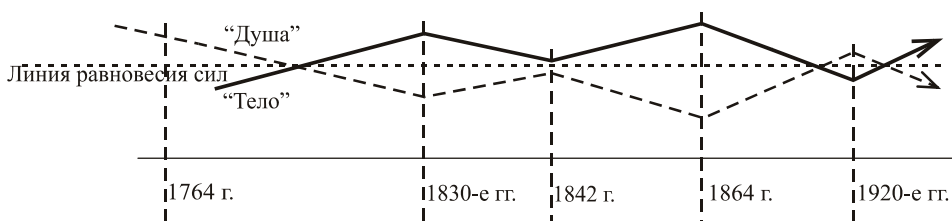
Ключевые слова и фразы: конкретное знание и чувственный опыт в решении архитектурных задач; структура интеллекта; эффективная форма мышления.

Аннотация: Рассмотрен вопрос расстановки приоритетов между знаниевой и творческой составляющими в формировании интеллекта архитектора. Раскрыта динамика его решения в кратком историческом обзоре становления российской архитектурной школы с момента ее образования.

В соответствии со структурой интеллекта, предложенной Р. Кэттеллом, его деятельность определяют две составляющие: «текущая» и «кристаллизованная». «Текущая» форма интеллекта участвует в приобретении нового опыта, составляет основу творческого мышления, «кристаллизованная» – знания, умения, навыки, полученные в прошлом [1]. Между этими двумя формами не существует жесткой зависимости. Это подтверждается случаями, когда далекие от профессии люди вдруг находят новые идеи в иной области (достаточно распространенная в архитектурной практике ситуация), действующие специалисты демонстрируют большие достижения в молодом возрасте, превосходят опытных мастеров, знающие теорию студенты оказываются неспособными применить эти знания в решении творческих задач и т.п.

Проблема соотношения знаниевой и творческой составляющих (Г. Барановский обозначил их понятиями «душа» и «тело», В. Кандинский – «интуиция» и «расчет») – одна из ключевых в воспитании творческой личности, профессиональной подготовке. На данный момент она представляется нерешенной, но актуальной с учетом стремительного роста объема информации, необходимой специалисту для успешного решения творческих задач, сопровождающегося усилением роли знаниевой составляющей. Одна из форм обсуждения этой проблемы – согласование образовательных программ подготовки специалиста. Динамику развития этих представлений на этапе становления российских архитектурных школ мы проследили с использованием обобщений Г.В. Барановского и С.Н. Кондакова [2]. Согласно имеющимся данным, понимание того, как необходимо действовать, чтобы получить грамотного специалиста, прошло несколько этапов (рисунок). При этом «шаги, которыми строительное училище шло к своей цели – неизменно служить возрастающим потребностям жизни, применяться к этим потребностям – не были насильственной ломкой старых порядков, это было естественное течение жизни ... Лишь при таких условиях смог развиваться и крепнуть этот организм» [2].

Первый этап отмечен утверждением необходимости «воспитывать» в России собственные архитектурные кадры. Идея «научения творчеству» созрела в XVIII в. в результате приобщения к западной культуре, когда «появилась потребность в архитекторах, живописцах, которыми в первое время Петербург снабжала

«Путь исканий» соотношения двух начал: интуитивного («души») и рационального («тела») в профессиональной подготовке архитектора

Европа». Его формы во многом копировали средневековые аналоги. Стратегия образования определялась представлением о том, что обучение творчеству – есть процесс воспитания личности, а необходимые навыки приобретаются одновременно с формированием сознания человека, постепенным развертыванием его задатков, в том числе способности решать творческие задачи. Не случайно в Академию художеств первоначально принимали мальчиков 5-6 лет – тот возраст, когда еще сложно говорить о способностях, но потенциал для развития велик. Основной задачей на тот момент определялось «привить любовь к художественному и изящному», а технологии состояли в развитии умения видеть, передавать, копировать, подражать – действовать творчески, но в границах имеющегося знания. В школе Д.В. Ухтомского изучались разные дисциплины, в том числе архитектура. Получив общее образование и изобразительные навыки, часть студентов могла углубить познания и в области зодчества.

Опыт системного воспитания малолетних (теория «чистой доски») себя не оправдал, в результате чего возраст учащихся в последующем стал неуклонно расти. Одновременно с этим наметилось усиление рационального подхода, которым был отмечен очередной этап в развитии архитектурных школ. С переходом системы образования к формам «государственного образца» начался процесс уточнения и расширения общих обучающих программ, усиления роли специальных знаний (стратегия специализации). Одновременно с утверждением единых методов снижалась возможность учитывать человеческий фактор. Вслед за утратой индивидуального характера обучения, сокращались и его сроки. Сложившееся со временем ощущение того, что пострадала так называемая «душа», привело к выделению в 30-х гг. XIX столетия «архитекторского» училища, дающего главным образом художественное развитие, и «инженерного», имеющего целью «образовывать строителей в узком смысле этого слова», с существенным отличием научных программ. Вскоре эта «узость» дала о себе знать, «смутно чувствовалась надобность в образовании таких техников, которые могли бы удовлетворять всей совокупности требований тогдашней строящейся России...». Так в результате слияния двух училищ в 1842 г. образовался Институт гражданских инженеров, ставший кузницей архитектурных кадров в конце XIX – начале XX столетий. Это был момент, когда Россия в них нуждалась особенно остро (значительно увеличилась доля частного заказа, было предоставлено больше свободы в разработке и согласовании проектов).

Действующая в это время Академия художеств, где до 40-х гг. XVIII в. преподавались только изящные искусства, отреагировала на общее настроение введением в программы обучения архитекторов дополнительных (инженерных) дисциплин, сокращением времени пребывания в школе с 12 до 5-6 лет. С 1840 г. здесь стали преподавать математику, а с 1893 г. – аналитическую геометрию, технологию строительных материалов, строительное искусство, механику, отопление и вентиляцию, законоведение и другие науки. Ориентация на «удовлетворение всей совокупности требований» (усиление позиции «тела») увлекла линию «души» в коридор рациональных подходов. В результате очередного «перегиба» свой столетний юбилей Академия художеств, вынужденная следовать стереотипам образования, встретила в упадке.

В начале XX столетия беспрецедентные попытки реабилитировать линию «души», найти «гармонию» предпринимались в архитектурной школе авангарда. Тогда были разработаны подходы, способствующие «раскрепощению» сознания, его энергетической (эмоциональной) поддержке с ориентацией на эксперимент, изобретение нового, разрушение действующих стереотипов и т.п. «Путь исканий», нацеленный на преодоление границ имеющегося опыта, способствовал формированию креативных качеств мышления учеников, нашел отражение и в практической деятельности их педагогов, пытающихся перевернуть лист истории. Для тех, чье профессиональное сознание уже сформировалось в классической школе (была подготовлена «почва» рационального знания), новые импульсы обеспечили достижение высоких горизонтов творчества (сработал механизм компенсации). Вместе с тем, слабое «тело» студентов нуждалось не только в «раскрепощении» (существующие границы сложившихся стереотипов так жестко на них не действовали), но и в накоплении опыта. Без знаний, полученных предшественниками, было не обойтись. Возможно, этим объясняется то, что более известными представителями архитектурного авангарда стали именно учителя, а не ученики. В качестве исключения можно назвать И. Леонидова, но и он не добился того же успеха в практической реализации своих замыслов, как, к примеру, К. Мельников, получивший, одновременно, и полное классическое образование, и новаторскую («креативную») практику. «Сначала научитесь рисовать как известные мастера, а лишь потом вырабатывайте собственную манеру», – рекомендовал начинающим живописцам С. Дали, и с этим следует согласиться. Данная позиция вполне применима к обучению архитектора, если в освоении опыта предшественников видеть не объекты подражания, копирования техники и приемов, а подготовку почвы к возникновению нового знания.

Мельников К. был среди тех, кто заметил, что не столько методы, на которые делался акцент в архитектурной школе, а сам человек, его индивидуальные особенности, интуиция и талант являются залогом творческого успеха. Он выступал против «онаучивания» композиционных дисциплин, стремления выстроить единую обобщающую методiku, обязательную для всех, справедливо полагая, что это затормаживает творческие процессы [3]. Известный педагог и архитектор Кринский В. позднее признавался, что Мельников «оказался гораздо мудрее и прозорливее всех нас «мудрецов», так как во главу угла ставил не метод, отрицая саму возможность выработки каких-либо общих методов, а личность архитектора». «Ни одной формы архитектуры старой, но все градусы, вдохновлявшие на постройку», – определял ориентиры мэтр, подчеркивая значение потенциала личности в формировании «комплекса творчества».

В выявлении «верного соотношения» между «кристаллизованной» и «текущей» составляющими интеллекта следует ориентироваться на единицу (целое). С увеличением какой-либо из частей процессы протекают менее эффективно. Это наглядно иллюстрируют примеры, известные в подготовке и практической деятельности архитектора: низкая продуктивность на фоне имеющихся творческих задатков (возникает в ситуации недостатка знаний, неумения использовать потенциал в полной мере); угасание процессов при углублении опыта (имеет место в ходе выполнения долгосрочных, емких задач, требующих значительной детализации, внимания к подробностям). Справедливо замечено, что «у таланта два врага – вдохновение без мастерства, и мастерство без вдохновения». «Экосистема при небрежном к ней отношении, усиленной эксплуатации может быть нарушена, ресурсы исчерпаны», – заметила Дж. Кэмерон.

Пути «выздоровления» индивидуальны и не представляют собой единого для всех случая, при этом стратегия остается общей – движение к некоторому эталону (гармонии) – продуктивной форме мышления, которую демонстрируют наиболее одаренные личности («гении»). В данном случае важно не достижение конкретных значений (максимумы представляют собой своеобразные экстремумы, к которым можно стремиться, но не достичь), а сама нацеленность на сбалансирован-

ную работу каждой из составляющих интеллекта. В одних случаях требуется усиление знаниевой составляющей, в других – развитие необходимых динамических качеств (активация интеллекта). Лежава И.Г. так описывает выработанный им в ходе многолетнего опыта преподавания подход: «Того, кто не может говорить – заставляю рассказывать о проектах, того, кто разговаривает – заставляю делать рисунки». Смысл движения к «единице» (целому, гармонии) наглядно представлен в словах Василия Великого: «Человек это животное, призванное стать Богом».

Путь обретения гармонии складывается из нескольких шагов. Первым шагом должно стать возникновение желания, осознание необходимости, потребности личностного роста. «Предпосылкой истинного знания является самосознание, в особенности понимание собственного незнания», – справедливо заметил Сократ. Это позволяет сконцентрировать внутренние силы на решении проблемы, привести в состояние готовности к действию.

Второй шаг – выявление недостающих сторон, причин, мешающих процессу протекать более эффективно (постановка диагноза). Основное средство реализации – самоконтроль, который способна осуществлять зрелая, волевая личность. «Плохо сможет расти и совершенствоваться тот, кто не сознает собственных недостатков и не считается с чужими успехами», – к такому выводу пришел и Дж. Вазари. В большинстве случаев необходим «учитель» – человек, способный распознать имеющиеся проблемы (педагог, наставник, соратник, родители и другие заинтересованные лица). Понятие «учитель» следует трактовать шире сложившегося представления, подобно тому, как это делается в восточной философии. Гуру (в переводе – «поднимающий») творческой интеллигенции Франции начала XX столетия Г. Гурджиев считал, что большинство людей не в состоянии объективно оценить собственные проблемы, им нужна внешняя помощь. Сегодня за подобной помощью многие обращаются к коучу. Дополнительные возможности в этом смысле дают психологические, профориентационные тесты. Наглядное представление (визуализация) механизма творческого мышления значительно упрощает задачу диагностики [4].

Третий шаг на пути к гармонизации мыслительной деятельности состоит в определении причин возникновения отклонений от принимаемого «эталона», неэффективности действий сознания.

Четвертый – в составлении индивидуальных программ с определением конкретных шагов, позволяющих урегулировать возникшие (имеющиеся) проблемы, устранить причины «торможения». «Все, что может сделать учитель – указать дорогу», – так определил свою главную функцию Р. Олдингтон.

К сожалению, необходимо говорить и о том, что обозначенную стратегию поддержки творческих способностей, устранения проблем (гармонизации, «выздоровления») личности сложно совместить с современными технологиями обучения в государственных образовательных учреждениях, так же как невозможно лечить заболевших группами по наработанным схемам. Не случайно академические программы называют «костными», «блокирующими». Однако и в этих границах при правильной расстановке акцентов, понимании механизмов есть надежда на воспитание творческой личности. Как справедливо заметил И.Г. Лежава: «Самое главное – это педагог и студент».

Список литературы

1. Фрейджер, Р. Личность. Теории, упражнения, эксперименты : пер. с англ. / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 704 с.
2. Барановский, Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища) 1842 – 1892 гг. / Г.В. Барановский. – СПб. : Институт гражданских инженеров, 1893. – 400 с.

3. Константин Степанович Мельников: Архитектура моей жизни. Творческая концепция. Творческая практика / сост. : А. Стригалева, И. Коккинаки ; под ред. А. Иконникова. – М. : Искусство, 1985. – 311 с.

4. Леденева, Г.Л. Механизмы продуктивного творческого мышления с позиции идеального его состояния – мышления гения / Г.Л. Леденева // ACADEMIA. Архитектура и строительство. – 2007. – №3. – С. 28–30.

Correlation of Specific Knowledge and Sensory Experience ("Soul" and "Body") in Thinking of the Architect

G.L. Ledenyova, A.S. Kulikov

*Department "Architecture and Construction of Buildings", TSTU;
ledeneva27@yandex.ru*

Key words and phrases: an effective form of way of thinking; specific knowledge and sensory experience in solving architectural problems; structure of intelligence.

Abstract: The paper explores the question of setting priorities between knowledge and the creative part in shaping the intelligence of the architect. The dynamics of its solution in a brief historical review of the formation of the Russian school of architecture since its establishment is revealed.

Verhältnisse der konkreten Bedeutung und der Sinnlichkeitserfahrung ("der Seele" und "des Körpers") im Denken des Architekten

Zusammenfassung: Es ist die Frage der Verteilung der Prioritäten zwischen Wissens- und Schaffungsbestandteilen in der Formierung der Intelligenz des Architekten betrachtet. Es ist die Dynamik ihrer Lösung in der kurzen geschichtlichen Übersicht des Werdens der russischen Architekturschule vom Moment ihrer Bildung eröffnet.

Rapport de la connaissance concrète et de l'expérience sentimentale ("âme" et "corps") dans la mentalité de l'architecte

Résumé: Est examiné le problème de la répartition des priorités entre les deux composantes, connaissance et créativité, dans la formation de l'intellect de l'architecte. Est découverte la dynamique de sa solution dans une breve revue historique de la fondation de l'école russe architecturale dès sa naissance.

Авторы: *Леденева Галина Леонидовна* – кандидат архитектуры, доцент кафедры «Архитектура и строительство зданий»; *Куликов Александр Сергеевич* – заслуженный архитектор РФ, профессор кафедры «Архитектура и строительство зданий», ФГБОУ ВПО «ТГТУ».

Рецензент: *Монастырев Павел Владиславович* – доктор технических наук, профессор кафедры «Городское строительство и автомобильные дороги», декан архитектурно-строительного факультета, ФГБОУ ВПО «ТГТУ».
